Витебляне. Хулиганы. Баламуты

Культура.-2001.-8–14 марта.-с.8

14.03.2001

Малевич Кунинг

Александра Шатских. "Жизнь искусства. Витебск, 1917 – 1922"

К.Малевич (в центре) и группа членов Уновиса перед отъездом в Москву на выставку. Витебск. 1921 г.

Книга главного "малевичеведа" страны Александры Семеновны Шатских "Жизнь искусства. Витебск, 1917 – 1922" – работа во всех смыслах уникальная. Это подлинная поэма о Витебске, городе удивительном, почти мистическом в своем поразительном духовном напряжении. Дело не в исключительности его исторической судьбы: тысячелетняя история Витебска, изложенная А.Шатских во введении, подобна истории многих древних городов на западе России. Войны, бунты, пожары, исчезнувшие полгорода; моменты подъема и упадка; грозный вихрь революции; сносы церквей в 30-е годы; трагедия Великой Отечественной войны, после которой в городе осталось меньше половины домов, 118 жителей да страшные рвы "бабьих яров"...

Почти то же самое можно было бы сказать и о других городах Белоруссии и Украины, через которые испокон веков проходили пути с Запада на Восток, в которых переплетались русские, украинские, белорусские, литовские, польские, еврейские корни; сосуществовали религии, взаимодействовали национальные традиции. Но Витебск отличался от других городов своей особенной атмосферой, не поддающейся рациональному объяснению. Не только таланты, родившиеся в Витебске – а их было немало, – но и люди, попадавшие в Витебск волей случая, иногда ненадолго, каким-то образом оказывались вовлеченными в его "колдовской круг".

Разумеется, художественная жизнь Витебска 1917–1922 годов прежде всего была озарена личностями двух великих мастеров: Марка Шагала и Казимира Малевича. И все-таки было бы неправильно говорить о "Витебске Шагала", "Витебске Малевича". А.Шатских убедительно показывает, как формировал Витебск личность Шагала, как определял не только круг его тем, но и саму "философию" его творчества, самый стиль его искусства. Раздел книги, посвященный "комиссару искусств Марку Шагалу", можно характеризовать не как "Витебск Шагала", а как "Шагал Витебска". Только там, в школе Юрия Пэна, с жизни и деятельности которого начинает А.Шатских свою "поэму о Витебске", мог сформироваться поразительный, самобытный, ни на кого не похожий талант Шагала. Только там мог вспыхнуть яростным факелом революционный пафос этого "комиссара", одного из тех "революционеров духа", чье творчество, как и творчество Малевича, было истинной революцией, переворотом сознания, радикальным обновлением искусства. Не потому взлетели в небо "Влюбленные" Марка Шагала, что пронеслись над Россией революционные бури, – кажется, революции XX века совершались потому, что, преодолев все законы земного тяготения, вознеслись в небо над Витебском эти немыслимые, таинственные шагаловские "витебляне"...

Равным образом круг людей, привлеченных в Витебск Шагалом, воспитанных им в Витебске, предстает в книге не "кругом Шагала", а феноменом Витебска, в котором первейшим и величайшим "чудом" выступает сам мастер, а его последователи и ученики – "чудесами", естественно, меньшего масштаба, но тоже по-своему яркими, неповторимыми и неизменно, иногда до конца своих дней, отмеченными печатью Витебска.

С Казимиром Малевичем было по-иному: он приехал в Витебск по рекомендации Эль Лисицкого со своими планами, открытиями. Реализовались эти планы именно в Витебске: там на базе Витебского высшего народного художественного училища могли Малевич и Лисицкий проверить и утвердить идеи "утилитарного мира вещей"; там было "двинуто в производство" Новое Искусство; там обрел материальное воплощение в оформлении празднеств, в театральных декорациях, в книжном дизайне и плакате супрематизм, рожденный гением Малевича. Витебск стал родиной Уновиса, взлетной полосой для ослепительного вознесения к солнцу этого феномена, плодородной почвой, на которой могло произойти "супрематическое цветение Витебска в мае 1920 года" – как озаглавила А.Шатских одну из глав книги.

Марк Шагал и "шагалески", куда бы ни заносила их судьба, оставались "витеблянами". Витебск неотступно следовал за ними: в Москву со Львом Зевиным, в Питер с С.Юдовиным, в Париж, в Европу, в Америку с самим Шагалом...

Нечто подобное случилось и с другими искусствами, которым посвящены последующие части книги: "Театральная жизнь Витебска", "Музыкальный Витебск", "Бахтин и его круг в Витебске". Все дальше и дальше, как круги по воде, расходились, распространялись по России, по миру сферы влияния таких личностей, как И.Соллертинский, М.Юдина, М.Бахтин. Но – А.Шатских показывает это с убедительной достоверностью – "началом всех начал", истоком все-таки оставался Витебск.

В книге А.Шатских рассказы о событиях, фактах художественной жизни: об украшении Витебска к 1-й годовщине Октября и оформлении празднеств 1918 – 1920 годов; о работе Народного училища, выставках картин, конфликтах в школе, о бурной и многообразной деятельности Уновиса с его просветительской деятельностью, "общественным творчеством", выпусками "Альманаха Уновиса"; о рождении и судьбе театров в Витебске, концертах, гастролях и прочем – чередуются с портретами тех, кто участвовал в этой жизни, создавал ее, направлял, а иногда и порядком "баламутил". Лица этих людей, среди которых были фигуры очень большого масштаба, выступают из коллективного портрета художественного Витебска 1917 – 1922 годов. Выхватываются словно бы наездом кинокамеры из общего плана и встают перед нами рельефно, ярко, "во весь экран".

Но книга ни в коем случае не становится сборником очерков: каждая глава, будь то "История витебских дней Ивана Пуни и Ксаны Богуславской", "А.Г.Ромм в Народном художественном училище", "Витебск в жизни Эль Лисицкого", "Режиссер Р.А.Унгерн, соратник Мейерхольда", "Гран-мэтр Ордена розенкрейцеров Л.В.Пумпянский в витебской провинции" и другие, – это именно главы единого повествования, новый поворот все той же темы – духовного феномена Витебска, духовного поля Витебска, налагающего свой отпечаток на каждого "приобщенного". Особенно, может быть, интересна в этом смысле "Новелла о Моисее Кунине", талантливом художнике, ставшем цирковым артистом. "Клоун, "артист" был ключевой фигурой в шагаловской Вселенной – пишет А.Шатских. – Любитель парадоксов Оскар Уайльд утверждал, что жизнь подражает искусству, – в случае циркача Кунина, материализовавшегося из шагаловского полотна, парадокс обнаруживал некую глубинную истинность: ученик-"шагалеск" словно перевел в реальное измерение карнавальный мир своего великого учителя". А может быть, еще глубже: и великий Шагал, и артист Кунин "перевели в реальное измерение" мир Витебска, ту чудесную таинственную магию, что таилась – и, кажется, до сих пор таится – в этой точке земного шара?

Мария ЧЕГОДАЕВА